

номически обоснованные закупочные цены, отменило все натуральные платежи и списало задолженности по ним. Однако, надеясь на рост колхозных доходов, Н.С. Хрущев потребовал сократить сроки оплаты полученной от МТС техники. Поспешная покупка машинного парка станций подорвала финансовую систему значительной части колхозов. Ухудшению их экономического положения способствовало также повышение цен на запчасти и топливо и понижение в сентябре 1958 г. закупочной цены на ряд продуктов растениеводства. В связи с этим колхозы не могли обеспечивать высокую оплату труда перешедшим в их распоряжение механизаторам, что способствовало понижению производительности сельхозтехники. Таким образом, именно из-за поспешности Н.С. Хрущева, во многом обусловленной переоценкой экономических возможностей колхозов, потенциал реформы не был полностью реализован.

В качестве альтернативы поспешной ликвидации МТС можно рассматривать распространение и развитие разных форм взаимоотношений между станциями и колхозами. Наверное, действенным оказалось бы превращение МТС в машинно-прокатные станции, большие возможности предоставляло развитие аренды техники. Приобретение ее в собственность могло и не быть обязательным условием. Более реалистичной альтернативой реорганизации МТС можно считать развитие организаторской функции станций, еще более глубокое подчинение им колхозов вплоть до ликвидации последних. Однако потенциал МТС как источника научно-технического прогресса в деревне фактически был признан исчерпанным. Аграрное производство огосударствлялось через совхозизацию. Колхозники охотно шли в совхозы, поскольку в них была большая по объему и гарантированная оплата труда. В конце 1950-х–начале 1960-х гг. совхозы в основной своей массе оказались малорентабельными сельхозпредприятиями.

Таким образом, реформа МТС была вызвана к жизни очевидными хозяйственными проблемами, решение которых руководство страны увидело в реорганизации и ликвидации самих МТС, что нельзя признать единственно возможным выходом их непростой ситуации.

Н.В. ГОНИНА

СОВЕТСКАЯ ЖИЛИЩНАЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В 1954-1984 гг. В ГОРОДАХ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1950-х гг., с приходом к власти Н.С. Хрущева, получила развитие социальная политика, и, в частности, такой ее раздел как обеспечение жилищем. За счет государства осуществлялось широкомасштабное строительство жилых домов, при этом каждый работающий человек

имел право получить квартиру бесплатно. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 3 июля 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР» был закреплен курс на посемейное заселение благоустроенных квартир. В целях выполнения принятых решений создавалась соответствующая производственная база и инфраструктура: домостроительные комбинаты, заводы ЖБИ и т.д.

В условиях, когда значительная часть жилья пострадала в военный период и восстанавливалась очень медленно (это касается не только зон боевых действий), при массовом переселении из деревни в город, которое развернулось во второй половине 1950–начале 1980-х гг. такая деятельность власти была, безусловно, актуальной. Но насколько она соответствовала заявленным лозунгам?

Историк М. Левин считает, что советскую социальную политику нужно рассматривать в контексте решения экономических вопросов, и с ним нельзя не согласиться (*Левин М. Советский век. М., 2008. С. 336, 338*). Одной из главных задач в рассматриваемый период стало освоение природных ресурсов Сибири. Для этого требовалось перемещение большого количества рабочих рук в районы промышленного строительства и добычи ресурсов. Учитывая, что эти территории отличались неблагоприятными природными условиями, а сталинские методы решения вопроса не применялись, организовать переселение людей на восток можно было, только создав определенную заинтересованность. Решение квартирного вопроса, который «испортил» не только москвичей, могло стать таким «пряником».

Рассмотрим ситуацию на материалах Иркутской области, которая весь изучаемый период была зоной крупных строек. По городам региона в 1957 г. обеспеченность жилым фондом составляла 4,2 м² на 1 чел., что было ниже принятой санитарной нормы — 6 м² и намного меньше среднего уровня по РСФСР — 7,9 (*ГАНИИО, ф. 127, оп. 50, д. 55, л. 107; Малинин Е.Д. Население Сибири. М., 1976. С. 87*). Таким образом, приток большого количества рабочих не мог не создать здесь серьезные проблемы.

Жилищное строительство развертывалось в наиболее крупных масштабах в ведущих промышленных центрах, а также в районах интенсивного освоения. Заметим, что в Иркутске, Черемхово и других исторических городах изначально преобладала частная застройка с одноэтажными деревянными домами. При этом уже в 1960 г. доля обобщественного жилого фонда равнялась в Иркутске, Братске, Черемхово 71–72% от всей жилой площади, в Ангарске — 86% (*Малинин Е.Д. Указ. соч. С. 81*). К 1964 г. в городах Иркутской области в среднем на одного человека приходилось 5,9 м² жилой площади (*ГАИО, ф. 1827, оп. 1 доп., д. 39, л. 5–88*).

Однако жилищная политика вызывала много нареканий. В частности, говорили о низком уровне благоустройства, типизации зданий, плохом качестве строительства, «долгострое». Каковы причины этого явления?

В основе была идея Хрущева о необходимости экономии в процессе строительства, изложенная на II Всероссийском Съезде строителей в 1954 г. и отчеканенная в постановлении ЦК КПСС в 1955 г. Благодаря этому направлению на фасадах зданий исчезли лепнина, колонны принятые в сталинский период и другие «излишества». Также была сокращена площадь квартир. Получился стандартизированный проект, который в процессе реализации обусловил одинаковую застройку по всей стране.

Во-вторых, строительство жилья ложилось на плечи местной власти и предприятий, которые не горели желанием этим заниматься. Главной проблемой стала не черствость технократов, а элементарная нехватка времени, материалов и рабочей силы в условиях жесткого лимитирования (одновременно велось строительство тысяч объектов), необходимости погони за перевыполнением плана, плохого обеспечения и задержки поставок строительных материалов. Поэтому в итоге строительство постоянно затягивалось, требовался нажим со стороны власти чтобы дома сдавались в срок (что постоянно не выполнялось). Внутренняя отделка помещений и прокладка коммуникаций также откладывались и отходили на второй-третий планы. Заводы стройматериалов не успевали за ростом числа строительных объектов, а учебные заведения были не в силах обеспечить необходимое количество специалистов. Дополнительной проблемой стали дороги, которые не позволяли перевозить достаточное количество грузов в условиях распутицы. Указанные проблемы еще более обострялись на периферии. В итоге объем жилой площади не успевал за ростом населения, а ее качество не соответствовало даже принятым стандартам.

В 1950-х гг. люди переселялись в благоустроенные квартиры из палаток и бараков, поэтому на первый план выходило получение жилья, о его качестве думали потом. Интересен пример регулярного заселения в Иркутске домов, не принятых комиссией из-за недоделок. Конечно, определенную роль играл корыстный интерес руководящих кадров, но ведь и люди соглашались переселяться в дома с незаконченной канализацией, не подведенным водоснабжением, отоплением и т.д. (ГАНИИО, ф. 159, оп. 25, д. 10, л. 98–100). Ситуация не улучшилась и в последующие годы.

Поэтому картина обеспечения жильем в итоге реализации жилищной политики в хрущевское десятилетие была достаточно пестрой. Полностью сохранялся и использовался дореволюционный жилой фонд, который к рассматриваемому времени был в ветхом состоянии. В городах эксплуатировалось большое количество частных деревянных домов. Кстати, часто трудящимся разрешали строить индивидуальные жилища. Отметим, что большинство рабочих были выходцами из деревни, поэтому возможность стать домохозяйном и дополнительно получить приусадебный участок для разведения огорода воспринималась ими позитивно. В результате в городе разрастался частный сектор.

Стремительный приток молодежи на стройки приводил к тому, что жилья постоянно не хватало, поэтому бараки и щитовые дома, предназначенные для временного проживания, становились постоянным жилищем для нескольких поколений рабочих. Ряд зданий этого типа сохранился до наших дней.

Параллельно шла застройка типовыми многоэтажными домами из кирпича и панелей. Кстати, панельное домостроение было достаточно дешевым и быстрым, что стало значительным подспорьем в условиях массового жилищного строительства. Тем не менее, сдача в эксплуатацию нового жилья постоянно отставала от потребности в силу недостатка рабочих рук и материалов, которые в первую очередь использовались на производстве.

Застройщики также представляли собой неоднородную группу. Строили предприятия, организации, муниципалитет и сами люди. Интересно отметить, что так называемый «народно-хозяйственный метод» или попросту «самострой» настолько вошел в норму, что централизованного распределения рабочих и материалов не проводилось. Каждый строил, как мог. Анекдотичный случай произошел в Иркутске. Театру было предложено возводить жилье самостоятельно, на что последовал резонный ответ актерского коллектива, что им заниматься строительством «профессия не позволяет» (*ГАНИИО. Ф. р-504, оп. 3, д. 18, л. 45*).

Конечно, для управляющего звена и инженерно-технических работников предполагался более высокий уровень комфорта. Поэтому для них, как и в сталинское время, дома проектировались, строились и отделывались более качественно. Так Е.Н. Волосов указывает, что «...полногабаритные квартиры в так называемых «сталинских» домах и дома индивидуальной постройки, площадью от 70 до 100 м², хотя и являлись источником зависти простых советских людей, тем не менее, считались обязательным и законным атрибутом ответственного хозяйственного поста (*Волосов Е.Н. Технократическая элита Ангаро-Енисейского региона в 1964–1991 гг. Иркутск, 2010. С. 386–387*).

Также право внеочередного получения квартир (но уже без повышенного благоустройства) имели старые большевики, участники гражданской войны и коммунисты со стажем выше 35 лет (*ГАНИИО, ф. 159, оп. 25, д. 9, л. 190*).

В брежневский период жилищное строительство приобрело больший размах. Значительно расширилась база производства стройматериалов, увеличилось число квалифицированных специалистов, построены дороги и источники электроснабжения. Само жилье стало более комфортабельным. Если в 1950-х гг. большинство рабочих проживало в частном секторе, то в 1970-х гг. они переместились в благоустроенные многоэтажные жилые дома.

Ярким примером является Братско-Усть-Илимский комплекс. Дома здесь строили целенаправленно в короткие сроки при концентрации рабочих, финансирования и материалов. Конечно, особое внимание привлекает Усть-Илимск, в котором весь жилой фонд строился сразу многоэтажными панельными зданиями, полностью обеспечивались вода, электричество, теплоснабжение и канализация. Но далеко не везде можно было наблюдать положительную динамику. Вот, например, цитата из докладной о состоянии жилищно-коммунального обслуживания строителей Западного участка БАМ на 1975 г.: «Строительство жилья ведется медленно, так как все строительные организации переведены на основные строительные-монтажные работы. Около 1 500 чел. проживают в 284 вагончиках на площади 9 324 м²» (ГАИО, ф. р-1827, оп. 1, д. 605, л. 6–7).

В 1977 г. в городах Иркутской области на 1 чел. приходилось 7,6 м² жилой площади. В том числе на первом месте оказалось Черемхово — 9,6 кв.м., меньше всего жилья на душу населения приходилось в Вихоревке — 5,2. Иркутск занимал средние позиции — 8,0 м² (Там же. Д. 706, л. 8–50). И это при том, что городское население в области согласно данным Всесоюзной переписи населения, за период 1959–1979 гг. увеличилось на 702,9 тыс. чел. и составило 1 685, 7 тыс. чел. (Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 1. М., 1989).

Показательными могут быть также сравнительные данные по качеству застройки. Для примера возьмем материал стен зданий и этажность. Так в 1977 г. в Иркутске 40,1% зданий были деревянными и 50,8% — кирпичными или мелкоблочными. 46,3% зданий были 3-х этажными и выше. То есть можно говорить о развитии современной застройки, но при этом сохранялся и значительный объем частного сектора. В Ангарске, который представляет яркий пример новостройки, 37,9% жилых домов были кирпичными или мелкоблочными, 45,7% — из крупных панелей и блоков, 12,6% деревянными. 55,7% зданий были 3-х этажными и выше. В Киренске новая застройка практически не осуществлялась, и жилой фонд на 98% состоял из деревянных домов, 100% домов были 1–2-этажными (ГАИО, ф. 1827, оп. 1, д. 706, л. 8–50).

Также было осуществлено благоустройство жилого фонда (канализация, теплофикация, электрификация, газификация), которое к 1980-м гг. составило 40–100%. Благоустройство старых зданий и частного сектора за небольшими исключениями не осуществлялось, поэтому процентное соотношение определялось новой застройкой, например в Киренске — 40%, в Усть-Илимске 100% (Винокуров М.А., Суходолов А.П. Города Иркутской области. Иркутск, 2011; ГАИО, ф. 1827, оп. 1, д. 706, л. 8–50).

В то же время рост населения городов, а также перемещение людей из ветхого жилья в новое (особую актуальность это имело для городов с исторической застройкой) привели к огромным очередям на квартиры.

Остались нерешенными вопросы отделки помещений, качества строительства, «долгостроя». Возросли взяточничество и коррупция.

Также на первый план вышла проблема незавершенного строительства. В Иркутской области в 1975 г. оно составило 75,3%, большая часть приходилась на жилье, школы, больницы и другие объекты социального назначения. Основной причиной стал недостаток финансирования. На начальном этапе стройки деньги выделялись, а затем их поступление сокращалось. Часто строительство по стоимости превышало смету, которую в центре старались ограничить в целях экономии. Можно заподозрить и местных чиновников в перерасходе средств (*ГАИО, ф. 1827, оп. 1, д. 631, л. 242–244*).

Таким образом, несмотря на широко разрекламированную социальную политику, при больших капиталовложениях и значимых административных возможностях, в Иркутской области полностью решить вопрос с обеспечением жильем населения городов не удалось. Квартиры, которые получали люди, часто не удовлетворяли их запросам и не соответствовали нормам благоустройства. Поэтому не удивительно, что недостаток жилья называли одной из главных причин высокого оттока населения из региона. Но с другой стороны, учитывая резкое увеличение населения за счет строителей и рабочих, а также членов их семей, при изначально небольшом количестве многоэтажного жилья в исторических городах и неразвитости инфраструктуры в районах нового освоения, достижение за 30 лет прироста жилой площади на 3,4 м² на человека можно считать хорошим результатом. Практически на пустом месте выросли новые благоустроенные города Ангарск, Братск, Железногорск-Илимский, Усть-Илимск.

А.А. ДОЛГОЛЮК

ДВИЖЕНИЕ КАДРОВ В СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ СИБИРИ в 1950–1960-е гг.*

Исторически сложилось так, что доля постоянных кадров, занятых на строительном производстве, всегда была очень малой. Численность строителей резко увеличивалась в весенне-летнее время, а осенью сокращалась. Сезонность данной отрасли в основном удалось преодолеть лишь в годы первых пятилеток. Но и позднее капитальное строительство характеризовалось высокой подвижностью его работников. Она определялась целым комплексом объективных причин, которые не позволяли создать в отрасли трудовые коллективы по своей стабильности иден-

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 10-01-00295а.